

Гастон Леру

ПРИЗРАК ОПЕРЫ

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Л 49

Gaston Leroux
LE FANTÔME DE L'OPÉRA

Перевод с французского
Дарьи Мудролюбовой, Ивана Русецкого, Галины Соловьевой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Леру Г.

Л 49 Призрак Оперы : романы / Гастон Леру ; пер. с фр. Д. Мудролюбовой, И. Русецкого, Г. Соловьевой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 768 с. : ил. — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-34277-4

Гастон Леру — классик детективного и мистического романа. Вот уже более века по его книгам снимаются фильмы и сериалы, ставятся спектакли и мюзиклы. Особенно прославился в этом плане один из самых известных французских романов всех времен — «Призрак Оперы». Эта захватывающая готическая история о загадочном существе, обитающем в подземельях знаменитой Парижской оперы, до сих пор способна держать в напряжении читателя от первой до последней страницы.

В настоящее издание помимо «Призрака Оперы» вошли самые известные романы о приключениях репортера Жозефа Рультабийя: «Тайна Желтой комнаты», которую Джон Диксон Карр считал лучшей историей об убийстве в запертой комнате, и «Духи дамы в черном». Также в книгу включена дополнительная глава к «Призраку Оперы», входившая в первую редакцию романа.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

© Д. А. Мудролюбова, перевод, 2020
© И. Г. Русецкий (наследник), перевод, 2026
© Г. А. Соловьева, перевод, статья, комментарии, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-34277-4

ПРИЗРАК ОПЕРЫ

*Моему старшему брату Жозефу,
который, не будучи призраком, был тем не менее,
как и Эрик, Ангелом Музыки*

ПРЕДИСЛОВИЕ,
в котором автор этого загадочного
произведения рассказывает читателю о том,
как он убедился в существовании
Призрака Оперы

Призрак Оперы существовал на самом деле. Это вовсе не было воображением артистов, суеверием директоров или нелепым созданием возбужденного воображения девиц из кордебалета, их матушек, билетерш, гардеробщиц и консьержки, как считалось долгое время.

Да, он существовал как человек из плоти и крови, хотя и принявший вид настоящего призрака, то есть тени.

С того самого дня, как я начал наводить справки в архивах Национальной академии музыки, меня поразило удивительное совпадение явлений, связанных с Призраком Оперы, и событий самой загадочной, самой фантастичной драмы, и довольно скоро мне пришла мысль, что эти события и эти явления самым естественным образом дополняют и объясняют друг друга. Всего лишь три десятка лет отделяют нас от тех таинственных событий, и даже сейчас в самом фойе балета можно встретить почтенных стариков, чьи слова нельзя поставить под сомнение, которые помнят — как будто речь идет о вчерашнем дне — непонятные и трагические обстоятельства похищения Кристины Даэ, исчезновения виконта де Шаньи и смерти его старшего брата графа Филиппа, чье тело было найдено на берегу озера, скрытого в подземельях Оперы со стороны улицы Скриба! Однако до сих пор ни одному из этих очевидцев не приходило в голову связать с этими ужасными событиями овеванный мистическими легендами образ Призрака Оперы.

Истина долго проникала в мое сознание, смущенное расследованием, которое то и дело натывалось на события, казавшиеся

на первый взгляд сверхъестественными, и я не раз собирался забросить это изнуряющее преследование неясного, неуловимого образа. Наконец появились первые доказательства, что предчувствия меня не обманули, и усилия мои были вознаграждены, когда я убедился, что Призрак Оперы — нечто большее, чем бесплотная тень.

В тот день я много часов провел над «Воспоминаниями директора Оперы», весьма поверхностного произведения этого скептика Моншармена, который за время своей службы в Опере так ничего и не понял в загадочных поступках Призрака и как мог насмехался над ним, хотя в то время сам был первой жертвой странной финансовой операции, связанной с магическим концертом.

Разочаровавшись, я уже выходил из библиотеки, как вдруг увидел добрейшего администратора нашей Национальной академии, о чем-то болтавшего на лестничной площадке с бойким и кокетливым старичком, которому он весело меня представил. Господин администратор был в курсе моих изысканий и знал, с каким пылом и сколь безуспешно я пытаюсь отыскать судебного следователя по громкому делу Шаньи господина Фора. Никто не знал, что с ним стало и жив ли он вообще; и вот теперь, прожив пятнадцать лет в Канаде, он вернулся в Париж и первым делом пришел к администратору попросить места в канцелярии Оперы. Этот старичок и был господин Фор собственной персоной. Я провел с ним добрую часть вечера, и он рассказал мне все о деле Шаньи, как он тогда его понял. За неимением других доказательств он сделал заключение о безумии виконта и о гибели его старшего брата в результате несчастного случая, однако оставался при убеждении, что между братьями произошла ужасная драма, причиной которой являлась Кристина Даэ. Он не смог мне сказать, что было потом с Кристиной и с виконтом. И разумеется, когда я завел разговор о Призраке, он только рассмеялся. Он тоже слышал о странных явлениях, которые, казалось, подтверждали слухи о таинственном существе, будто бы избравшем местом жительства один из самых таинственных уголков Оперы; знал он и историю с концертом, но не находил в этом ничего, что могло бы привлечь внимание судьи, которому поручено вести дело Шаньи. Он лишь несколько мгновений слушал показа-

ния свидетеля, утверждавшего, что видел Призрака. Этим свидетелем был человек, которого весь Париж называл Персом и которого хорошо знали завсегдатаи Оперы. Следователь принял его за странного типа, страдающего галлюцинациями.

Как вы можете себе представить, меня чрезвычайно заинтересовал этот Перс, и я во что бы то ни стало захотел разыскать столь ценного свидетеля, если еще не было поздно. Мне повезло: я нашел его в квартирке на улице Риволи, он не покидал ее с тех самых пор и умер там же пять месяцев спустя после моего визита.

Вначале я отнесся к нему с недоверием, но, когда Перс с искренностью ребенка поведал мне все, что знал о Призраке, и передал в мое полное распоряжение свидетельства его существования, в частности удивительные письма Кристины Даэ — письма, столь ярко осветившие ее ужасающую судьбу, — я не мог более сомневаться! Нет! Призрак не был мифом!

Мне возражали, что письма эти могли быть вовсе не подлинными, а полностью сочиненными человеком, чье воображение вдохновлялось, без сомнения, самыми пленительными сказками; однако, к счастью, мне удалось раздобыть образец почерка Кристины, после чего я провел сравнительное исследование, рассеявшее все мои сомнения.

Кроме того, я навел подробнейшие справки о Персе и определил его как честного человека, не способного выстроить хитроумный замысел, который мог бы ввести в заблуждение правосудие.

Это же подтвердили весьма известные лица, в той или иной мере связанные с делом Шаньи, а также друзья этой семьи. Я представил им имеющиеся доказательства и поделился рассуждениями, к которым они отнеслись весьма благосклонно; и в этой связи я позволю себе процитировать письмо, адресованное мне генералом Д.

«Сударь!

Я не могу побудить Вас опубликовать результаты Вашего расследования. Я прекрасно помню, как за несколько недель до исчезновения выдающейся певицы Кристины Даэ и драмы, повергнувшей в траур все предместье Сен-Жермен, в фойе балета

много говорили о Призраке, и разговоры эти прекратились только после закрытия дела, занимавшего тогда всех. Однако, если существование Призрака может объяснить эту драму, в чем я убедился после встречи с Вами, я прошу Вас: займитесь этим Призраком. Каким бы загадочным он ни казался, все-таки он более объясним, нежели та темная и неприглядная история о том, как злонамеренные люди рассорили двух братьев, всю жизнь обожавших друг друга, так что те не общались до самой смерти...

Примите уверения и пр.».

Наконец, захватив с собой досье, я вновь появился в обширных владениях Призрака, в громадном сооружении, которое он превратил в свою империю; и все, что я увидел здесь своими собственными глазами, все, что я обнаружил, прекрасно подтверждало свидетельства Перса, и наконец венцом моих долгих трудов стала одна удивительная находка.

Многие помнят, что недавно, когда в подземельях Оперы производили захоронение записанных с помощью фонографа голосов артистов, один из рабочих наткнулся на труп, и сразу у меня появилось доказательство, что то был труп Призрака Оперы! Я представил это доказательство администратору, а газеты пусть себе болтают, что в подземельях нашли жертву Коммуны.

Несчастные, которых во время Коммуны расстреливали в этих подвалах, похоронены вовсе не с этой стороны. Я мог бы показать, где покоятся их скелеты — совсем в другом месте, далеко от этого огромного склепа, где во время осады хранились запасы провизии.

О них я узнал именно тогда, когда разыскивал останки Призрака Оперы, я бы ни за что не нашел их, если бы не небывалый случай захоронения «живых голосов».

Но мы еще поговорим об этом трупе и о том, как с ним следует поступить, а пока пора заканчивать это весьма необходимое предисловие и поблагодарить господина комиссара полиции Мифруа (дело об исчезновении Кристины Даэ вначале находилось в его ведении), господина бывшего секретаря Реми, господина бывшего администратора Мерсье, бывшего хормейстера Габриэля и в особенности мадам баронессу де Кастелло-Барбе-

зак (некогда ее называли «малышкой Мэг», и она, кстати, вовсе не стыдится этого), самую прелестную звездочку нашего очаровательного кордебалета, старшую дочь почтенной мадам Жирри, покойной смотрительницы ложи Призрака. Все эти слишком скромные свидетели очень мне помогли; именно благодаря им я смогу вновь пережить вместе с читателем минуты неомраченной любви и мгновения ужаса во всех подробностях.

Я был бы неблагодарным, если бы не выразил, перед тем как приступить к изложению этой жуткой и невыдуманной истории, признательность нынешней дирекции Оперы, которая столь любезно помогала моим исследованиям, в частности господину Мессаже, очень симпатичному администратору Габйону и весьма любезному архитектору, заботящемуся о сохранении этого сооружения (он не задумываясь одолжил мне рукописи Шарля Гарнье, хотя был почти уверен, что не получит их обратно). Наконец, мне остается публично признать благородство моего друга и бывшего коллеги господина Ж. Л. Кроза, предоставившего в мое распоряжение свою восхитительную театральную библиотеку и одолжившего уникальные издания, которыми он очень дорожил.

ГЛАВА 1

Призрак?..

В тот вечер, когда подавшие в отставку директора Оперы господ Дебьен и Полиньи устраивали банкет по случаю своего ухода, в гримерную Сорелли, одной из прима-балерин, неожиданно влетело полдюжины девушек из кордебалета, только что покинувших сцену после представления «Полиевкта». Они были в сильном смятении: одни неестественно громко смеялись, другие испуганно кричали.

Сорелли, собиравшаяся хотя бы ненадолго побыть в одиночестве и отрепетировать прощальную речь, которую ей предстояло произнести в фойе перед господами Дебьеном и Полиньи, с неудовольствием взглянула на шумную компанию, сгрудившуюся в дверях. Она повернулась к своим подругам и осведомилась о причине столь бурного волнения. Малышка Жамм — носик во вкусе Гревэна, глаза-незабудки, щечки цвета розы, лилейная шейка — сумела вымолвить в ответ только два слова трепещущим от ужаса голосом:

— Это призрак! — и тут же повернула ключ в двери.

Гримерная Сорелли была обставлена по-официальному элегантно и банально: вся меблировка состояла из дивана, туалетного столика и шкафов. На стенах висело несколько гравюр — память о матери, заставшей еще прекрасные времена старой Оперы на улице Ле-Пелетье, портреты Вестриса, Гарделя, Дюпора, Биготтини. Но эта комната казалась девчонкам из кордебалета просто дворцом, ведь те размещались в общих гримерных, где они пели, препирались друг с другом, поколачивали парикмахеров и костюмерш и баловались черносмородиновой наливкой, пивом или даже ромом в ожидании звонка на выход.

Сорелли была очень суеверной; услышав восклицание малышки Жамм, она вздрогнула и проговорила:

— Дурочка!

И поскольку она больше других верила в призраков вообще и в Призрака Оперы в частности, Сорелли срочно захотела узнать подробности.

— Так вы его видели? — спросила она.

— Вот так же близко, как вас! — простонала малышка Жамм и, не чуя под собой ног, безвольно опустилась на стул.

— Если это и правда он, то он просто уродина! — подхватила малышка Жири, хрупкое создание — смуглая кожа да кости! — с глазами-черносливинами, иссиня-черными волосами.

— О да! — хором выдохнули балерины.

Они затараторили, перебивая друг друга. Призрак явился им в образе господина в черном, который откуда ни возьмись возник перед ними в коридоре. Его появление было столь внезапным, что впору поверить, будто он вышел из стены.

— Да ну вас, — бросила одна из них, сумевшая сохранить самообладание. — Всюду вам мерещится призрак.

Действительно, вот уже несколько месяцев в Опере только и судачили что о призраке в черном фраке, который как тень фланировал по всем этажам огромного здания; он ни к кому не обращался, и с ним никто не смел заговорить; завидев человека, он мгновенно исчезал неизвестно куда и каким образом. Передвигался он неслышно, как и подобает настоящему призраку. Сначала все только смеялись над этим привидением, одетым как светский человек или как служащий похоронного бюро, но вскоре легенда о призраке разрослась в кордебалете до невероятных размеров. Каждая из девушек утверждала, будто видела это сверхъестественное существо и даже стала жертвой его козней, а те, что более всех смеялись, боялись его не меньше. Когда его не было видно, он напоминал о своем существовании забавными или зловещими происшествиями, виновником которых его провозглашало почти всеобщее суеверие. Случалось ли что серьезное, или просто затевался розыгрыш, терялась ли пуховка для рисовой пудры — во всем был виноват призрак — Призрак Оперы!

Но видел ли его вообще кто-нибудь? В Опере можно встретить множество черных фраков, и ничего призрачного в них не

обнаруживается, но этот обладал особой приметой, несвойственной обычным фракам: он был надет на скелет.

Так, по крайней мере, утверждали девушки. Разумеется, вместо головы у Призрака был череп!

На самом деле образ скелета родился из описания призрака, которое дал Жозеф Бюкэ, старший рабочий сцены: он один видел его своими глазами. Он столкнулся с таинственным существом — невозможно употребить выражение «нос к носу», поскольку носа у того не было, — возле самой рампы, на узкой лестнице, которая вела прямо в подземелье. Он видел его всего одну секунду, так как Призрак тотчас же убежал, но запомнил навсегда.

Вот какими словами описывал Жозеф Бюкэ Призрака всем, кто хотел о нем услышать:

— Это удивительно худой человек, и его фрак болтается на костях как на вешалке. Глаза посажены так глубоко, что зрачки с трудом различимы. В сущности, видны только две большие черные глазницы, как у мертвецов. Кожа, которая натянута на костяк как на барабан, вовсе не белая, а какая-то отвратно желтая, вместо носа — еле заметный бугорок, так что в профиль его вообще не видно, и само это отсутствие носа являет собой ужасное зрелище. Шевелюру заменяют несколько длинных темных прядей, свисающих на лоб и за уши.

Жозеф Бюкэ тщетно преследовал это странное существо; оно исчезло как по волшебству, и он так и не смог найти его следов.

Старший рабочий смены был человек серьезный, рассудительный, без всякой склонности фантазировать, непьющий. Его рассказ выслушивался с почтительным удивлением и интересом, и вскоре нашлись еще люди, которым также повстречался скелет в черном фраке и с черепом вместо головы.

Когда эти слухи дошли до людей здравомыслящих, те вначале заявили, что над Жозефом Бюкэ подшутил кто-то из его подчиненных. Но потом одно за другим произошли события настолько странные и необъяснимые, что и скептики начали беспокоиться.

Бригадиры пожарных — все храбрецы. Ничего не боятся, а уж огня тем более.

Так вот, однажды пожарный, о котором идет речь¹, спустился в подземелья проверить, все ли там в порядке, и, кажется, зашел несколько дальше, чем обычно; через некоторое время он в полной растерянности выскочил на сцену, бледный, дрожащий, с выпученными глазами, и едва не потерял сознание на руках достопочтенной матушки малышки Жамм. А все почему? Оказалось, что там, в потемках, он увидел, как к нему приближается пылающая голова, у которой не было тела. А я ведь уже говорил, что бригадиры пожарных не боятся огня!

Этого бригадира звали Папен.

Кордебалет был в смятении. Прежде всего потому, что огненная голова вовсе не подходила под описание Призрака, данное Жозефом Бюкэ. Еще раз хорошенько допросили пожарного, потом снова старшего рабочего сцены, и в результате девушки решили, что Призрак имеет несколько голов и меняет их, когда ему вздумается. Разумеется, они представили себе огромнейшую опасность, которой подвергались. Раз уж бригадир пожарных лишился чувств, то все корифейки и ученицы балетной школы нашли множество оправданий для того испуга, с которым они со всех ног бежали с любого слабоосвещенного места в коридорах.

Чтобы хоть как-то защитить здание Оперы от жуткой напасти, сама Сорелли, окруженная всеми танцовщицами и даже девушками в трико из младших классов, на следующий же день после случая с бригадиром пожарных собственноручно возложила на стол, который стоял в вестибюле административного входа, подкову: к ней должен был прикоснуться всякий входивший в Оперу — разумеется, исключая зрителей, — прежде чем ступить на первую ступеньку лестницы. Это было необходимо, чтобы не оказаться добычей тайных сил, которые завладели зданием от подвалов до чердаков.

Эта деталь, как, впрочем, и вся история, не выдумана мною, и до сих пор подкову можно увидеть в вестибюле на столе перед консьержкой, когдаходишь в Оперу через служебный подъезд.

Вот что привело девушек в такое душевное состояние в тот вечер, когда мы вместе с ними вошли в гримерную Сорелли.

¹ Эту весьма правдивую историю мне рассказал сам господин Педро Гайяр, бывший директор Оперы.

— Там призрак! — вскричала, как было сказано выше, малышка Жамм.

А волнение от этого отнюдь не уменьшалось. Теперь в гримерной воцарилось леденящее молчание. Слышалось только прерывистое дыхание девушек. Потом Жамм в непритворном ужасе забилась в самый дальний угол и прошептала:

— Послушайте!

И всем показалось, что за дверью действительно слышался какой-то шорох.

Никаких шагов. Донесся лишь шорох шелковых одежд, коснувшихся стены. Потом все стихло. Сорелли, пытавшаяся выказать себя не такой трусливой, как ее подруги, приблизилась к двери и слабым голосом спросила:

— Кто там?

Но никто не ответил ей.

Тогда, ощущая, что на ней скрестились напряженные взгляды балерин, наблюдавших за малейшими ее жестами, она сделала над собой усилие и громко произнесла:

— Кто-нибудь есть за дверью?

— Да-да! Конечно за дверью кто-то есть! — повторила за ней бойкая Мэг Жири, схватив Сорелли за газовую юбку. — Только не открывайте! Ради бога, не открывайте!

Но Сорелли, вооружившись стилетом, с которым никогда не расставалась, осмелилась все же повернуть ключ в замке и приоткрыла дверь; балерины, отступившие к самой туалетной кабинке, стояли, сбившись в кучу, а Мэг Жири шептала:

— Мамочка моя!

Между тем Сорелли отважно выглянула в коридор. Он был пустынен; газовый рожок в стеклянной колбе скупо освещал красноватым светом окружающий его сумрак, не в силах рассеять его. Балерина быстро закрыла дверь, испустив вздох облегчения:

— Никого там нет.

— Но мы же его видели! — утверждала Жамм, с опаской подходя к Сорелли. — Он, должно быть, бродит где-то поблизости. Я вообще не пойду переодеваться. Надо нам всем вместе спуститься в фойе, поприветствовать директоров и сразу вернуться.

С этими словами девушка благоговейно коснулась крохотного кораллового талисмана, который должен был охранить ее от несчастий. А Сорелли украдкой, кончиком розового ногтя правого большого пальца, очертила крест Святого Андрея на деревянном колечке, надетом на безымянный палец левой руки.

Один известный хроникер писал о ней:

«Сорелли — высокая, красивая танцовщица с серьезным чувственным лицом, гибкая как ива, в театре все говорят о ней, что она „преlestное создание“. Золотистые белокурые волосы обрамляют высокий лоб, ее лицо освещено изумрудными глазами. Голова плавно покачивается на длинной точеной и горделивой шее. Во время танца она делает некое неуловимое движение бедрами, которое наполняет ее тело невыразимой негой. Когда эта восхитительная женщина поднимает руки и, слегка склонившись, выставляет ногу вперед, перед тем как сделать пируэт, подчеркивая таким образом линии корсажа, кажется, что это зрелище может любого свести с ума».

Правда, ума-то у нее почти и не было, однако в этом ее не упрекали.

— Девочки мои, — оглядела она юных балерин, — придите в себя!.. Что такое призрак? Может, его вообще никто не видел...

— Нет, мы видели его! Только что видели! — продолжали девушки. — У него череп вместо головы и тот самый фрак, в котором его видел Жозеф Бюкэ!

— И Габриэль тоже его видел! — добавила Жамм. — Не далее как вчера. Вчера, средь бела дня...

— Габриэль, хормейстер?

— Ну да. Вы разве об этом не слышали?

— И он был во фраке средь бела дня?

— Кто? Габриэль?

— Да нет же! Призрак!

— Вот именно! Он был во фраке! — подтвердила Жамм. — Габриэль сам мне об этом рассказал, он его по фракку и узнал. Дело было так. Габриэль сидел в кабинете заведующего постановочной частью. Вдруг открылась дверь и вошел Перс. Ну, вам известно, что у Перса дурной глаз...

— Да-да! — хором ответили девушки, которые при имени Перса сделали рожки: вытянули вперед указательный палец

и мизинчик, прижав большим пальцем средний и безымянный к ладони.

— ...и что Габриэль суеверен, — продолжала Жамм, — но всегда вежлив, и, когда встречается с Персом, он просто спокойно кладет руку в карман и дотрагивается до ключей... Так вот, как только перед Персом открылась дверь, Габриэль одним прыжком пересек комнату и дотронулся до замочной скважины шкафа, ну чтобы коснуться железа. При этом он зацепился своим пальто за гвоздь и вырвал оттуда целый клочок. Спеша выйти, ударился лбом о вешалку и набил себе огромную шишку; затем он попятился и ободрал руку о ширму, стоявшую возле рояля, хотел опереться на него, но крышка неожиданно захлопнулась и прижала ему пальцы; он как сумасшедший выскочил из кабинета и так торопился, спускаясь по лестнице, что споткнулся и пересчитал боками все ступеньки до второго этажа. Как раз в тот момент мы с мамой проходили мимо. Мы бросились поднимать его. У него все лицо было в крови, мы даже испугались, но он тут же разулыбался и воскликнул: «Спасибо тебе, Боже, что я так легко отделался!» Мы его расспросили, и он нам сказал, что его так напугало. Дело в том, что за спиной Перса был призрак! Призрак с черепом вместо головы, каким его описал Жозеф Бюкэ.

Жамм, запыхавшись, закончила свой рассказ, который она протараторила так, будто за ней гнался призрак; и тут же поднялся глухой испуганный ропот. Потом наступило молчание, которое прервал тихий голос малышки Жири, в то время как Сорелли, очень взволнованная, полировала ногти:

- Лучше бы Жозеф Бюкэ помолчал.
- Почему? — спросил кто-то.
- Так считает мама, — ответила Мэг еще тише, озираясь вокруг, как будто боялась, что ее услышит кто-то, кроме тех, кто находился в комнате.
- Почему твоя мама так считает?
- Тсс! Она говорит, что Призрак не любит, когда его беспокоят.
- Откуда она это знает?
- Потому что... Потому что нет ничего...

Эта наигранная недомолвка разожгла любопытство девушек, которые тесно окружили малышку Жири и, склонившись в едином просящем и испуганном движении, стали умолять ее рассказать все, что она знает. Зараженные общим страхом, они получали от этого острое удовольствие, от которого леденела кровь в жилах.

— Я поклялась молчать, — наконец сказала Мэг.

Однако они не оставили ее в покое, обещая сохранить тайну, и наконец Мэг, сама сгоравшая от желания рассказать то, что она знала, заговорила, не сводя глаз с двери:

— Ну, это из-за логи...

— Какой логи?

— Ложи Призрака!

— У Призрака есть ложа?!

При сообщении о том, что Призрак имеет собственную ложу, девушки не смогли сдержать возгласов удивления, смешанного с мрачным восторгом.

— О господи, рассказывай... рассказывай!

— Тише! — приказала Мэг. — Это ложа бельэтажа номер пять. Вам отлично известно: она первая слева от авансцены.

— Не может быть!

— Говорю же вам. Эту ложу обслуживает моя мама. Но поклянитесь никому об этом не рассказывать.

— Конечно! Давай дальше!

— Так вот... Это ложа Призрака... Уже больше месяца туда никто не заходил, кроме Призрака; естественно, и администрация получила указание никогда не сдавать ее...

— Это правда, что туда приходит Призрак?

— Ну да...

— То есть видели, что туда кто-то заходит?

— Да нет же! Туда приходит Призрак, и там никого нет!

Девушки переглянулись. Если Призрак приходил в ложу, то его можно было увидеть, потому что у него черный фрак и череп вместо головы. Они сказали об этом Мэг, но та с горячностью возразила:

— Как вы не поймете? Призрака не видно, и у него нет ни фрака, ни головы! Все, что рассказывают о черепе или об огнен-

ной голове, — это болтовня! У него нет ничего подобного... Его можно только слышать, когда он в ложе. Мама ни разу его не видела, но зато слышала. Она хорошо это знает, ведь она сама ему приносит программку!

— Малышка Жири, да ты просто смеешься над нами, — сочла своим долгом вмешаться Сорелли.

Тогда малышка Жири расплакалась:

— Лучше бы я не болтала... Если бы только мама знала!.. Но все-таки Жозеф Бюкэ зря занимается делами, которые его не касаются. Это принесет ему несчастье. Мама еще вчера это говорила.

В этот момент послышались грузные торопливые шаги в коридоре и чей-то запыхавшийся голос прокричал:

— Сесиль! Сесиль! Ты там?

— Это голос матушки, — прошептала Жамм. — Что случилось?

Она открыла дверь. В комнату влетела представительная дама, сложением напоминая гренадера из Померании, и со стоном рухнула в кресло. Ее глаза дико вращались, и лицо приобрело оттенок терракоты.

— Какое несчастье! — проговорила она. — Какое несчастье!

— Что? Что такое?

— Жозеф Бюкэ...

— Ну и что — Жозеф Бюкэ?

— Жозеф Бюкэ мертв!

В гримерной раздались недоверчивые восклицания и испуганные просьбы рассказать о случившемся.

— Да, его только что нашли повешенным на третьем подземном этаже. Но самое ужасное... — продолжала срывающимся голосом почтенная дама, — самое ужасное в том, что рабочие сцены, которые нашли тело, утверждают, будто слышали возле мертвеца какой-то шум, напоминающий зауспокойное пение.

— Это Призрак! — вырвалось у младшей Жири, которая тут же прижала ко рту сжатые кулачки и пролепетала: — Нет-нет! Я ничего не говорила!.. Я ничего не говорила!

А вокруг нее подружки в ужасе повторяли шепотом:

— Точно! Это Призрак!..

Сорелли побледнела.

ГАСТОН ЛЕРУ
ПРИЗРАК ОПЕРЫ

Ответственный редактор Елена Класс
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Корректор Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 25.08.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 47,04. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-MPB-43694-01-R